

*Е. Г. Калкаев**

Китайская линия. Место репрессий против китайцев в «национальных» операциях НКВД

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается место репрессий против китайцев в контексте «национальных» операций «большого террора». Особое место уделяется соотношению «Харбинской» и «Китайской» операций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «большой террор», НКВД, «Китайская» операция, «Харбинская» операция, «национальные» операции, китайская диаспора

Репрессии «большого террора» коснулись значительной части населения Советского Союза, в том числе и выходцев из других стран. Затронули они и китайцев. Масштабная операция НКВД против представителей этой национальности началась в Дальневосточном крае в самом конце 1937 г., а через месяц, 31 января 1938 г., решением Политбюро ЦК ВКП(б) китайцы оказались в списках операций против «национальных контрреволюционных контингентов» [Лубянка. Сталин и..., 2004, с. 468–469].

Оформляя внесудебные решения по этим операциям, комиссия НКВД и прокурора СССР отнесла большинство «китайских» дел к «Харбинской» операции, что нашло отражение и в материалах отчётности наркомата. Этот факт позволил ряду историков не только прийти к выводу, что «„китайская“ операция, рекомендованная к проведению решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 г., не была выделена в отдельную карательную акцию» [Аблажей, Потапова, 2019, с. 152], но и сделать более масштабное обобщение, заключив, что «карательные органы в 1937–1938 гг. проводили 11 “национальных” репрессивных акций: “Польскую”, “Немецкую”, “Харбинскую”, “Латышскую”, “Греческую”, “Ру-

* Калкаев Евгений Геннадьевич, научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), kalkaev@gmail.com

мынскую”, “Финскую”, “Эстонскую”, “Иранскую”, “Афганскую” и “Смешанную” (или “Разную”)). При этом утверждается, что «“китайская”, “македонская” и “ болгарская” линии не были запущены органами НКВД как отдельные репрессивные акции» [Потапова, 2019, с. 159]. Т. е. «Китайская» операция, прежде всего, рассматривается как часть «Харбинской»¹.

Данная работа представляет собой попытку определить место репрессий против китайцев в «национальных» операциях и, в частности, разобраться, насколько классификация протоколов комиссии НКВД и прокурора СССР является правомерным основанием тезиса об отсутствии отдельной «китайской» линии в «национальных» операциях НКВД.

Руководство «большим террором» и принятие решения о проведении «Китайской» операции

Работы современных историков показывают, что основная роль в организации «большого террора» 1937–38 г. принадлежала Сталину (1878–1953). По словам О. Хлевнюка: «Всё, что известно сегодня о подготовке и проведении массовых операций 1937–1938 гг., позволяет утверждать, что без приказов Сталина “большого террора” просто не было бы, а массовые репрессии (несомненно, характерные для сталинской системы в целом) оставались бы на том “среднем” или “выше среднего” уровне, который наблюдался в середине 1930-х годов, а затем с 1939 г. вплоть до смерти Сталина» [Хлевнюк, 2010, с. 14].

К этому времени Сталину был подконтролен партийный и государственный аппарат, не был самостоятелен и «передовой боевой отряд партии» – Наркомат внутренних дел. Несмотря на то что и сам нарком Н. И. Ежов (1895–1940), и многие его подчинённые были крайне инициативными исполнителями воли вождя, все ключевые вопросы репрессий предполагали получение одобрения сверху². Сталин уделял много времени работе с документами НКВД. Он правил важнейшие распорядительные документы «большого террора», подписывал списки подлежащих репрессированию представителей советской номенклатуры и проходящих по основным сфабрикованным «заговорам», внимательно просматривал десятки сообщений, пересылаемых из центрального аппарата НКВД, включая протоколы допросов отдельных лиц, делал пометы и давал рас-

¹ С этой же точки зрения «Македонская» и «Болгарская» стали частью «Разной» операции.

² См., напр.: [Хаустов, Самуэльсон, 2009, с. 292].

поряжения вплоть до указаний, как вести следствие [Хлевнюк, 2010, с. 299–300; Петров, Янсен, 2008, с. 127; Ватлин, 2012, с. 1].

Начало «национальных» операций НКВД иногда отсчитывают от подписанного 25 июля 1937 г. приказа № 00439, целью которого было искоренение агентов германской разведки в промышленности³. Но, как уже давно показано, «модельным» для «национальных» операций стал «Польский» приказ № 00485 от 11 августа 1937 г. [Петров, Рогинский, 1997]. Формально он был направлен на ликвидацию последствий «долголетней и относительно безнаказанной диверсионно-шпионской работы польской разведки на территории Союза» [Лубянка. Сталин и..., 2004, с. 310]. В приказе определялись основные категории лиц, подлежащие аресту: члены Польской организации войсковой⁴, на самом деле уже давно не существовавшей, польские военнопленные, перебежчики, политэмигранты, бывшие члены «антисоветских» польских партий, активная часть «антисоветских и националистических элементов польских районов». В первую очередь должны были быть арестованы служащие в НКВД и Красной армии, а также занятые в стратегических областях промышленности и на транспорте. Незамедлительно должны были быть взяты под стражу и проходящие по показаниям уже арестованных.

Особенностью приказа было введение нового порядка рассмотрения дел. В процессе следствия арестованных разделяли на две категории: 1-я подлежала расстрелу, 2-я – заключению в лагерь. На арестованных подготавливались списки с краткими справками по их делам. Завизированные региональным начальником НКВД и прокурором, сшитые в альбомном формате справки высылались в центр. После довольно формального разбора и утверждения приговоров по «альбому» в центральном аппарате составлялись протоколы, которые подписывались представителями комиссии НКВД и прокурора СССР⁵, так называемой двойкой. Приговоры по первой категории должны были приводиться в исполнение немедленно после получения подтверждения, на вторую категорию через Особое совещание НКВД подготавливались справки с соответствующими приговорами. Этот упрощен-

³ См., напр.: [Ватлин, 2012, с. 162].

⁴ Polska Organizacja Wojskowa (Польская военная организация) – тайная организация, созданная в 1914 г. для борьбы за независимость. Прекратила свою деятельность в 1921 г.

⁵ Комиссия состояла из Н. И. Ежова и А. Я. Вышинского (1883–1954) или их заместителей, но на практике представленные справки рассматривали другие лица [Петров, Рогинский, 1997, с. 28–29].

ный порядок рассмотрения дел, также называемый «альбомный», стал отличительной чертой всех «национальных» операций.

20 сентября 1937 г. появился приказ № 00593, который в отличие от других «альбомных» операций был направлен не на представителей какой-либо национальности, а на харбинцев – прежде всего бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги и реэмигрантов, вернувшихся из Маньчжоу-го и Китая. 30 октября появилось распоряжение об операции по репрессированию латышей, 11 декабря – о проведении «Греческой» операции, 29 января 1938 г. – «Иранской», в феврале – «Афганской».

При этом можно отметить, что если все вышеперечисленные указания подразумевали проведение операций с рассмотрением дел в упрощённом порядке в масштабах всего СССР, то существовал и механизм распространения действий «альбомного» порядка на представителей некоторых национальностей в отдельных регионах. Так, 17 августа 1937 г. в НКВД Украины было послано сообщение о распространении действия «Польского» приказа № 00485 на румын, прежде всего проживающих на территории Молдавской АССР [Хаустов, Самуэльсон, 2009, с. 290]. В середине декабря в ряд регионов было направлено указание распространить действие «Латышского» приказа на финских, эстонских, литовских и болгарских перемещенцев [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 4, д. 152, л. 120, 158, 163].

Прологом к проведению «Китайской» операции стали сообщения из Дальневосточного края, где чекисты фальсифицировали дело о провокации, которую руками китайцев якобы хотели провести японские спецслужбы. Ежов санкционировал аресты всех причастных к «провокации» и распорядился провести операцию по очищению края от притонов, вылившуюся в масштабную волну арестов китайцев в ночь с 29 на 30 декабря [Сталинские депортации, 2005, с. 101-102]. Однако сначала операция в крае не была введена в рамки «альбомных». Предполагалось, что дела «изобличенных» в антисоветской деятельности, шпионаже, контрабанде и активных уголовников из числа китайцев с советским гражданством будут передаваться на рассмотрение «троек», сформированных по приказу № 00447 об «антисоветских элементах»⁶, а иностранные граждане по этим обвинениям через суд бу-

⁶ Приказ НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г., также известный как «кулацкий», был основой для проведения операции против широких контингентов «антисоветских элементов», осуждение которых проходило на сформированных в регионах «тройках». Масштабы репрессий «большого террора», собственно, и определялись осуществлением этой операции и «национальных».

дут высланы из страны. Для остальных (не обвиненных в указанных преступлениях) предусматривалось судебное разбирательство с заранее оговорённым запретом на проживание в Дальневосточном крае, Читинской и Иркутской областях [Сталинские депортации, 2005, с. 102]⁷.

Впрочем, оформление этих дел в «альбомном» порядке было отложено ненадолго. В центр регулярно поступали пугающие сообщения о якобы готовившейся провокации и материалы, которые должны были свидетельствовать об активной работе среди китайцев японской разведки. Копии этих сообщений ложились и на стол Сталину. Вероятно, ярких красок в складывающуюся картину добавил прибывший в январе в Москву начальник УНКВД по Дальневосточному краю Г. С. Люшков⁸. В результате «Китайская» операция оказалась в списке «национальных» операций, которые предстояло развернуть по всей стране, а порядок рассмотрения дел также стал «альбомным». 31 января 1938 г. это было зафиксировано в решении Политбюро ЦК ВКП(б). Причём в протоколе «Китайская» операция (вместе с целым рядом локально идущих «альбомных» операций) была отнесена к продолжающимся, а не к начинающимся [Лубянка. Сталин и..., 2004, с. 468–469]. Возможно, в восприятии высшего партийного руководства, а может быть, и руководства НКВД⁹, она была уже идущей локальной «национальной» операцией.

В любом случае у НКВД не было выбора начинать или не начинать эти операции – решение Политбюро было воспроизведено Ежовым в разосланной на следующий день, 1 февраля, директиве № 233 [ЦАФСБРФ. ф. 3, оп. 5, д. 2, л. 62–63].

Естественно, в связи с отсутствием до этого приказов об операции против китайцев в масштабах страны, операцию по «разгрому шпионско-диверсионных контингентов» из китайцев пред-

⁷ Подробно о начале операции см.: [Калкаев, 2018].

⁸ Люшков Генрих Самойлович (1900–1945). Член РСДРП(б) с 1917, в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1920 г. 31.07.1937–13.06.1938 г. начальник УНКВД по ДВК, комиссар госбезопасности 3 ранга. 13.06.1938, опасаясь ареста, бежал в Маньчжурию, после чего активно сотрудничал с японцами. 19.08.45 при наступлении советской армии застрелен японцами в г. Далянь.

⁹ Вероятно, в подготовке проекта постановления участвовали и представители НКВД, но в настоящее время материалы к проекту в архивах не обнаружены.

писывалось не продолжить, а начать¹⁰. Вместе с операцией против китайцев постановление Политбюро и директива Ежова предусматривали начало всесоюзных «Финской», «Эстонской», «Румынской», «Болгарской» и «Македонской» операций. «Официально» вводилась в рамки «альбомного» порядка и «Немецкая»¹¹. Всего в директиве упоминалось 12 операций: «Польская», «Харбинская», «Латышская», «Греческая», «Иранская», «Финская», «Эстонская», «Румынская», «Китайская», «Болгарская», «Македонская» и «Немецкая», а через несколько дней к ним прибавилась тринадцатая – «Афганская».

«Харбинский» приказ и основная «база» японского шпионажа

«Харбинский» приказ, так же как и «Польский», формально был направлен на предотвращение угрозы враждебной активности страны – вероятного военного противника. В данном случае – Японии, которая в первой половине 1930-х гг. установила контроль над Маньчжурией, где расположилась целая сеть разведывательных центров. Активность японских спецслужб вызывала серьёзные опасения НКВД и партийного руководства. Харбинцы же вместе с корейцами и китайцами во второй половине 30-х гг. упоминались в документах органов безопасности как потенциальная «база» японского шпионажа и диверсии¹².

В самом приказе № 00593 и приложенном к нему закрытом письме подробно говорилось о насаждении японскими спецслужбами агентуры из бывших харбинцев на железнодорожном транспорте и важных предприятиях, участии харбинцев в шпионаже, подготовке террористических и диверсионных актов, вредительстве и т. п. Обвинение было коллективным и распространялось почти на всех харбинцев¹³, но отдельные обширные категории, кото-

¹⁰ Аналогичным образом из обозначенных в решении Политбюро «продолжающихся» в «начинающиеся» были перенесены распоряжения о начале операций против финнов, эстонцев и румын.

¹¹ Фактически к этому времени «Немецкая» операция уже проводилась. См.: [Охотин, Рогинский, 1999, с. 40].

¹² См., напр.: [Хаустов, Самуэльсон, 2009, с. 40; Хаустов, 2015, с. 109].

¹³ «Учётные агентурно-оперативные материалы показывают, что выехавшие в СССР харбинцы, в подавляющем большинстве состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и т. п. В подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки» [Лубянка. Сталин и.., 2004, с. 366].

рые должны были быть полностью арестованы, в приказе выделялись особо. К ним относились все избалованные или только подозреваемые во враждебной деятельности, бывшие белые, реэмигранты, члены «антисоветских» партий, имевшие связи с троцкистами и «правыми», участники некоторых эмигрантских организаций, служившие в китайской полиции и войсках и т. д. вплоть до работников иностранных и «белогвардейских» фирм и тех, кто принимал китайское подданство [Лубянка. Сталин и... , 2004, с. 367].

В закрытом письме, которое было призвано осветить подробности деятельности японской агентуры, упоминались не только харбинцы. В нём отмечались случаи вербовки сотрудников советских спецслужб в Китае и троцкистов. В «низовке» оставалось место и для простых советских граждан. В письме фигурировали завербованные харбинцами агенты «из среды местных жителей» и созданные ими «кулацкие повстанческие группы» [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 2, л. 8–33]. При этом этнические китайцы ни в приказе, ни в закрытом письме не упоминались.

Однако практика проведения операций значительно отличалась от формальной стороны приказов. Стремление к высоким показателям стимулировалось жёсткой критикой из центра начальников управлений НКВД «отстающих» регионов и поощрение «передовиков» репрессий [Петров, Янсен, 2008, с. 146; Хаустов, Самуэльсон, 2009, с. 291–292]. Условия для обширных фальсификаций создавались санкционированным сверху насилием при получении показаний, упрощённым порядком ведения следствия, сниженным до минимума надзором.

В этих обстоятельствах отсутствие в биографии характеристик, свидетельствующих о национальной, социальной или какой-либо другой связи с «целевыми категориями» массовых операций, не было гарантией безопасности. Увеличивать количество жертв репрессий в рамках «национальных» операций позволяли выбитые признания у тех, кто прямо попадал под действие приказа, – по таким показаниям могло пройти значительное количество знакомых, малознакомых, а зачастую и вовсе не знакомых с арестованным людей. В ходу были фальсификации анкетных данных – подмена информации о социальном происхождении, политическом прошлом и даже национальности арестованных¹⁴.

¹⁴ Характерным примером может служить «умение» начальника 3-го отдела УНКВД по Московской области И. Г. Сорокина «из евреев делать поляков и сажать в тюрьму» [ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. п-21189, л. 169]. В каких-то регионах в поляки записывали всех с фамилиями,

В то же время для многих регионов было нормой и самостоятельное добавление новых репресслируемых категорий [Охотин, Рогинский, 1999, с. 53–54]. В итоге в направляемых в центр «альбомах» появлялось множество лиц, имевших лишь косвенное отношение к указанным в приказах¹⁵.

Основное обвинение в адрес харбинцев – шпионаж в пользу Японии – в некоторых случаях также переносилось на другие группы, подозреваемые в работе на японскую разведку. А среди связанных с японцами «инонациональностей», как было отмечено выше, НКВД выделяло корейцев и китайцев. В результате в 1937 – январе 1938 г. мы фиксируем неединичные случаи вынесения «двойкой» решений в отношении китайцев в рамках «Харбинского» приказа № 00593. К 1 февраля 1938 г., т. е. на момент появления директивы о включении китайцев в «национальные» операции, комиссия рассмотрела «харбинских» «альбомов» более чем на 13 тысяч человек. Двести с лишним человек среди них были китайцами [АУФСБОО, ф. 6, д. 9828–9854]¹⁶.

Единичные материалы на китайцев появлялись в «харбинских» протоколах уже в октябре 1937 г. Справки на первую большую группу (10 человек) китайцев, рассмотренные комиссией по «Харбинскому» приказу, были представлены УНКВД по Московской области в ноябре. Арестованные обвинялись в принадлежности к китайской троцкистской организации, но после выхода приказа № 00593 в их групповом деле внезапно появилось упоминание о выходе из Харбина. В начале декабря 1938 г. был рассмотрен «альбом» из Ленинградской области. В нём были материалы на одиннадцать китайцев, большая часть которых работала в разгромленном НКВД китайском колхозе «Красный восток». Утверждалось, что колхозники принадлежали к организации, которая «ставила своей задачей проведение во время войны Японии с СССР диверсионной деятельности на заводах оборон-

оканчивающимися на «-ский», а по другим операциям просто выискивали нерусские фамилии в домовых книгах [Тепляков, 2008, с. 372].

¹⁵ Известные отдельные случаи обвинений в адрес начальников УНКВД за предоставление большого количества справок на тех, кто не входил в «целевые категории» операций, были скорее исключением. В большинстве случаев такая практика была нормой и не встречала противодействия центра [Охотин, Рогинский, 1999, с. 70].

¹⁶ При этом, конечно, нельзя забывать, что от времени присылки в центр списков до их рассмотрения комиссией могло пройти значительное время, а также что какое-то количество людей было уже под арестом, но дела их ещё не были оформлены.

ной и крупной промышленности, а также сбор шпионских сведений» [АУФСБОО, ф. 6, д. 10016, л. 10]. В декабре 1937 – январе 1938 были рассмотрены и десятки «китайских» справок, присланных из Новосибирской и Свердловской областей, Алтайского края [АУФСБОО, ф. 6, д. 9846, 9852, 9855].

Но в то же время количество этих случаев было ограниченным. Если за весь период существования комиссии доля «китайских» справок в подписанных «харбинских» протоколах превысила 30%, то в период с начала «Харбинской» операции по февраль 1938 она составляла менее 2% [АУФСБОО, ф. 6, д. 9828–9874; 3, ф. 8-ос, оп. 1, д. 70, л. 18]. Даже учитывая, что часть «китайских» справок ещё не дошла до рассмотрения, это определённо свидетельствует о том, что до февраля китайцы попадали в «альбомы» не в результате централизованной кампании, а, скорее, по причине отдельных местных инициатив.

«Китайская» операция

Ситуация изменилась в феврале 1938 г., когда вступило в силу распоряжение Ежова о начале операции против китайцев по всей стране¹⁷.

По крайней мере некоторые из региональных руководителей НКВД были заранее осведомлены о предстоящем распространении «национальных операций» на китайцев и начали подготовку к её проведению. Так, только что назначенный наркомом внутренних дел УССР А. И. Успенский (1902–1940) ещё 31 января 1938, т. е. до официального получения директивы № 233, затребовал от всех областных отделений Украины собрать информацию о проживающих на их территории китайцах и предоставить данные к 10 февраля [ОГАСБУ, ф. 16, оп. 1, д. 313, л. 10]. Сама директива была передана в областные управления Украины только 2 февраля [Через трупы врага, 2010, с. 30–31].

Конкретная подготовка могла начаться несколько позже. Начальник УНКВД по Читинской области Г. С. Хорхорин (1900–1939) 7 февраля докладывал в центр: «Готовлю операцию по китайцам беря в первую очередь прибывших нелегально в СССР начиная с 1921 года, среди них несколько сот человек китподанных, перебежчиков, контрабандистов, спекулянтов, притоносодержателей» [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 35, л. 315]. Вероятно, предварительные цифры по учёту китайцев были у начальника

¹⁷ «Альбомный» порядок автоматически был распространён и на китайцев, арестованных во время массовых операций в Дальневосточном крае в конце 1937 – начале 1938 г.

управления уже на руках, но «разворот» операции в условиях загруженности оперативного состава требовал времени.

Даже в регионах, где отдельные аресты китайцев уже проводились, внимание чекистов к представителям этой национальности заметно возросло. 8 февраля начальник УНКВД по Алтайскому краю С. П. Попов (1904–1940) доложил в центр, что «в гор. Камне Алтайского края вскрыта и ликвидирована к[онтр]-р[еволюционная] шпионская, диверсионная, террористическая группа из числа китайцев, граждан СССР, насчитывающая 18 человек» [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 36, л. 28–29]. Ещё через пять дней он сообщил о вскрытой шпионско-диверсионной группе из числа китайцев и корейцев в Барнауле и отчитался о 20 арестованных [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 37, л. 77]. Стремительно росло количество арестованных китайцев в Читинской области. По данным начальника УНКВД, к 5 февраля там было арестовано 35 китайцев, через пять дней к ним прибавилось ещё 116, а к 15 февраля их количество достигло 226 человек. К 25 февраля число китайцев, оказавшихся в руках читинских чекистов, превысило 440 человек, более 250 из них были гражданами Китайской Республики [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 40, л. 289].

Красноярские чекисты в первую половину февраля арестовали 74 китайца [Силонов, 2015, с. 133], а с 15 по 20 февраля, по данным руководителя УНКВД, ещё 81. Однако по другим данным, с 16 по 18 февраля только интернированных китайцев¹⁸ в этом крае было арестовано 97 человек. Цинично спланированная операция предполагала сбор интернированных в отделении милиции под предлогом составления списков желающих возвратиться в Китай [Силонов, 2015, с. 134–135]. Всего, по данным С. Силонова, в феврале 1938 г. в Красноярском крае было арестовано около 210 китайцев, а анализ динамики арестов привёл исследователя к заключению, что о массовой операции против китайцев в крае можно говорить начиная именно с этого месяца [Силонов, 2015, с. 135–136].

Объём публикации не позволяет привести много примеров, тем не менее важно указать, что аналогичные процессы происходили и в регионах, где проживавшие китайцы были не так многочисленны. Например, в Москве только за первые пятнадцать дней февраля было арестовано порядка 50 китайцев, что примерно в два раза превышало количество арестованных с начала «боль-

¹⁸ Речь идёт о китайских военнослужащих и партизанах, в 1930-е гг. под давлением японских войск перешедших на территорию СССР, где они были задержаны и расселены.

шого террора» до января 1938 года [ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, 2]. По данным из УНКВД по Тульской области, первые арестованные в 1938 г. в рамках «национальных» операций китайцы появились между 10 и 15 февраля. Количество их было 12 человек. С 1 по 15 февраля было арестовано 5 китайцев в Воронежской области, в Смоленской – один и к концу месяца уже 15) [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 38. л. 6; д. 36, л. 324; д. 36, л. 293].

Трудно сказать, повлияла ли директива № 233 на интенсивность арестов китайцев в Дальневосточном крае, где локальная операция уже велась. Но стоит отметить, что хотя известная вторая волна масштабных арестов в Приморье прошла ближе к концу месяца – начиная с 22 февраля [Чернолуцкая, 2011, с. 260], – по данным дипломатов Китайской Республики, в первой половине февраля были схвачены многие китайцы, проживавшие в Ворошилове (Уссурийске) и Спаске [АВПРФ, ф. 0100, оп. 22, п. 191, д. 30, л. 87].

В отдельных регионах развитие операции против китайцев тормозилось не только из-за недостатка «контингента», но и из-за нехватки времени и оперативных ресурсов. В конце января – начале февраля 1938 к уже проводимым национальным операциям добавились ещё несколько новых, что увеличило нагрузку на региональные и областные управления¹⁹. Низкие показатели арестов китайцев тревожили наркома внутренних дел УССР Успенского. Не получив удовлетворительных, по его мнению, результатов, 10 марта он разослал подчинённым телеграмму, в которой констатировал: «директива Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР – Генерального Комиссара Государственной Безопасности тов. Ежова № 233 от 2/II 1938 года²⁰ об операции по китайцам многими областями не выполняется». Ряд областей «не имеют арестованных китайцев, несмотря на наличие на территории области китайцев в том числе иностранно-подданных... В тех областях, где имеются арестованные китайцы, число их незначительно...». В связи с этим Успенский приказывал «немедленно приступить к выполнению приказа наркома Союза ССР об операции по китайцам. Областным управлениям НКВД, где уже имеются арестованные китайцы, приступить к активной следственной работе с арестованными, в целях вскрытия деятельности японской разведки через китайцев», отчитываться УНКВД

¹⁹ Правда, приблизительно в это время начали уменьшаться масштабы операции против «антисоветских элементов» [Петров, Янсен, 2008, с. 147].

²⁰ Директива, как отмечено выше, в областные управления УССР была переслана 2 февраля 1938.

должны были «по китайской операции в таком же порядке, как и по другим линиям (польской, немецкой и др.)» [ОГАСБУ, ф. 16, оп. 1, д. 313, л. 56–58].

Приведённые данные заставляют не согласиться с утверждением Н. Потаповой, что китайская «линия» не была запущена НКВД как отдельная репрессивная акция, а также с тем, что «массовые аресты китайцев начинаются с весны 1938» [Потапова, 2019, с. 159, 94]²¹. Сказанное выше свидетельствует о том, что директива Ежова от 1 февраля 1938 г., в числе прочего требовавшая начать «Китайскую» операцию, начала незамедлительно осуществляться. При этом она воспринималась регионами именно как репрессивная кампания, направленная на представителей китайской национальности. На местах начались массовые аресты. Конечно, в некоторых регионах могли возникать различные трудности и временные заминки, но это никак не меняло общую установку наркомата на развитие данного направления массовых репрессий по всему Советскому Союзу.

Отчетность, подсобная картотека «национальных» операций и систематизация протоколов

Как и предыдущие приказы о проведении «национальных» операций, распоряжение Ежова от 1 февраля 1938 требовало регулярной отчётности. Пятый параграф директивы предписывал: «О ходе операций доносить пятидневными сводками сообщением количества арестованных и наиболее существенных материалов следствия».

В отправляемых сообщениях информация о китайцах давалась отдельно, но не унифицированным способом. Довольно типичный пример из сообщений заместителя начальника УНКВД по Новосибирской области И. А. Мальцева (1898–1940) выглядел таким образом: «По состоянию на 25 февраля в Новосибирской области с начала операции арестовано: поляков – 5564, харбинцев – 2152, немцев – 1543, латышей – 1307, эстонцев – 1100, финн – 170, греков – 50, иранцев – 21, румын – 42, китайцев – 79, болгар – 9» [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 40, л. 312].

В подобных общих докладах о «национальных» операциях могли фигурировать и другие «линии», не присутствующие в известных «альбомных» приказах. В каких-то отчётах по «национальным» операциям присутствовала «линия» Русского общевойс-

²¹ Также см. утверждение: «до весны 1938 г. аресты национальных групп в рамках приказа № 00593 были единичными» [Потапова, 2019, с. 165].

ского союза (РОВС), в каких-то, помимо прочих, давались данные по австрийцам, венграм, чехам и другим национальностям.

Стоит отметить и тот факт, что не во всех сообщениях из регионов данные о китайцах структурно отделялись от харбинцев. В начале марта начальник 3-го (контрразведывательного) отдела управления по Красноярскому краю докладывал: «С начала операции по харбинцам арестовано 848, в том числе с 25. II по 1. III арестовано: харбинцев – 1, корейцев – 6, китайцев – 6» [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 41, л. 331–333]. Но насколько условно было это соединение, свидетельствует более позднее сообщение за той же подписью: «С начала операции по харбинцам арестовано – 936, в том числе с 1-го по 5-е марта арестовано харбинцев – 8, корейцев – 28, китайцев – 48, иранцев – 3, греков – 1» [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 42, л. 293–295]. Наличие в списке «операции по харбинцам» иранцев и греков заставляет предположить, что речь могла идти об отсылке вообще к «альбомным» операциям или о некой «упрощённой» их систематизации либо под «Харбинской» операцией подразумевались репрессии против обвинённых в работе на Японию (включая арестованных иранцев и греков).

В других случаях прямо говорилось о японской «линии», как, например, в сообщениях начальника УНКВД по Свердловской области Д. М. Дмитриева (1901–1939). В марте 1938 г. он писал: «Доношу о результатах следствия по японской линии по состоянию на 10 марта с.г.: всего арестовано – 2407 человек, из них призналось – 2264, закончено следдел на 2305 человек». После этого шла информация о наиболее примечательных последних делах, среди которых были вскрытые организации харбинцев, китайцев, а также сосланных крымских татар [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 44, л. 171–173]. Т. е. под японской «линией», конечно, подразумевалась операция, направленная не на японцев, а против обвинённых в сотрудничестве с японскими разведывательными органами.

В целом, несмотря на разнообразие формулировок и подходов в сообщениях из регионов, в подавляющем большинстве случаев информация о китайцах давалась отдельными цифровыми данными. При этом нередко китайская «линия» вместе с харбинской и иногда другими объединялась в одно направление. Это направление могло называться «харбинской», «японской», «харбино-японской» «линией» или как-либо иначе, но по сути означало со-

вокупность нескольких «линий», объединённых по принципу работы на японские спецслужбы²².

Единообразия не было и в сопроводительных письмах к высылаемым в Москву «альбомам». В Дальневосточном крае, где доля арестованных китайцев была самой высокой, писали о списках «на лиц подлежащих осуждению в порядке приказа НКВД СССР № 00485» или «на лиц подлежащих осуждению в порядке приказа НКВД СССР № 00485 по китайской операции». Использование номера «Польского» приказа отсылает к «альбомному» порядку и свидетельствует об интенции не смешивать «Китайскую» и «Харбинскую» операции. В других регионах встречаются указания на «Харбинский» приказ № 00593, директиву № 233 и другие распоряжения.

В центре получаемые данные по арестам и осуждениям концентрировались в подсобной картотеке, которая была разбита на 14 «линий» [ЦАФСБРФ, ф. 3-ос, оп. 6, д. 8, л. 118]. Вопрос, как она создавалась и формировалась, остается открытым, однако можно предположить, что линии этой картотеки соответствовали четырнадцати линиям, упомянутым в справках 1-го специального (учётно-регистрационного) отдела НКВД. Согласно этим материалам, данные по операциям, проведённым «в порядке приказов НКВД № 00485, № 00593 и др.», подразделялись на «польскую», «харбинскую», «немецкую», «румынскую», «финскую», «латышскую», «эстонскую», «греческую», «иранскую», «афганскую», «болгарскую», «английскую», «китайско-корейскую» и «другие» линии [ЦАФСБРФ, ф. 8-ос, оп. 1, д. 70, л. 132].

Такое деление не выглядит последовательным. С одной стороны, наличие «английской» линии при отсутствии значительного количества арестованных англичан демонстрирует, что основанием классификации была не принадлежность к конкретной национальности, а преступная связь или работа в пользу какого-либо государства. С другой стороны, наличие «китайско-корейской» линии скорее должно свидетельствовать об обратном. Учитывая, что к 1938 г. Корея десятки лет находилась под оккупацией Японии, здесь, очевидно, используется указание на национальности. «Харбинская» же линия отражала работу в пользу Японии, но эти множества полностью не совпадали, так как значительная часть попавших в «китайско-корейскую» линию также обвинялись в преступлениях, совершённых в интересах Японии.

²² Собственно об этом идёт речь в работе В. Хаустова «Японская операция НКВД 1937–1938 гг.» [Хаустов, 2015].

Вероятно, эта непоследовательность стала следствием того, что формирование картотеки шло постепенно. Уже давно отмечено, что заранее и относительно хорошо были спланированы только три «национальных» операции («Польская», «Харбинская» и «Немецкая»), остальные же формировались в процессе репрессий [Охотин, Рогинский, 1999, с. 46]. В этих обстоятельствах структура картотеки могла меняться или корректироваться в связи с появлением новых направлений «национальных» операций.

Что касается интересующего нас в первую очередь вопроса, можно отметить, что, согласно неполным данным справки с информацией на 1 июля 1938 г.²³, по «харбинской» линии проходило 3199 арестованных китайцев, тогда как в рамках «китайско-корейской» их было учтено 4 085 [ЦАФСБ РФ, ф. 8-ос, оп. 1, д. 70, л. 132]. Без наличия дополнительной информации только в качестве предположения можно выдвинуть версию, что такое деление отражает изначальное включение данных о китайцах в «харбинскую» линию, а после начала «Китайской» операции – постепенный переход к включению их в «китайско-корейскую». Нельзя исключить, что разделение «потоков» китайцев могло происходить в зависимости от формулировок в поступающих с мест отчётах или каким-либо другим способом. Окончательное прояснение этого вопроса возможно только при введении в научный оборот новых документов. В контексте же поставленного вопроса важно указать, что в учётно-регистрационном аппарате НКВД, по крайней мере в определённый период времени лета 1938 г., более 4 тысяч китайцев не были включены в «харбинскую» линию «национальных» операций. В материалах же справки с неполной информацией на 1 июля 1938 г. большинство арестованных китайцев было учтено в рамках «китайско-корейской» линии.

Как справедливо отмечают Н. Аблажей и Н. Потапова, в конце концов, после рассмотрения в Москве, большинство «китайских» альбомов вошли в «харбинские» протоколы, а в целом протоколы «двойки» были сгруппированы по 11 перечисленным в начале статьи группам, включая «разные». Возможной причиной отнесения «китайских» списков из Дальневосточного края к «харбинским» протоколам Н. Потапова считает осторожность Ежова, который не решался отчитаться по «Китайской» операции на Дальнем Востоке после того, как в июне 1938 г. начальник УНКВД по ДВК

²³ Справка не содержит данных УНКВД по Дальневосточному краю (которым было арестовано самое большое количество китайцев) и двум Дорожно-транспортным отделам.

Люшков сбежал к японцам [Потапова, 2019, с. 98]. Однако протоколы комиссии НКВД и прокурора СССР свидетельствуют, что многие китайцы из других регионов СССР прошли по «харбинским» протоколам ещё до побега Люшкова. К концу весны количество китайцев, чьи приговоры были завизированы «двойкой», превысило 600 человек [АУФСБОО, ф. 6, д. 9828–9866]. Среди утвержденных в марте «харбинских» протоколов можно обнаружить несколько, где доля китайцев была преобладающей и превышала 70%²⁴. Небольшой полностью «китайский» протокол на четверых человек был утвержден 16 марта 1938 г. по материалам из Новосибирской области, правда, справки на этих четверых были выделены из списков, присланных ещё в 1937 г.²⁵ Стоит отметить и значительное число корейцев, прошедших по этим протоколам до лета 1938 г., а также наличие утвержденного ещё зимой 1938 полностью «корейского» протокола № 381. В связи с этим логично предположить, что решение о включении материалов на представителей этих национальностей в «харбинские» протоколы было принято задолго до того, как начальник УНКВД по ДВК решился на побег.

Возможно, определяющую роль сыграла как раз практика регионов, которые к этому времени уже включали «китайские» и «корейские» справки в «харбинские» «альбомы». Вполне вероятно, несмотря на то что в подсобной картотеке учётно-регистрационного отдела в какой-то момент появилась «китайско-корейская» линия, в итоге было принято решение отнести большинство этих справок к одному условному направлению – основной «базе» японского шпионажа, что соответствовало и более ранним представлениям о главных пособниках японцев. В качестве общего названия для этой группы протоколов оставили «харбинские»²⁶.

Однако систематизация протоколов в центре по одиннадцати группам (что, в свою очередь, нашло отражение и в финальной

²⁴ Напр., протокол № 442 по материалам из УНКВД Тульской обл. или № 444 по материалам из Читы, подписанные 21 и 23 марта.

²⁵ Задержка объясняется тем, что центр запросил у УНКВД уточняющую информацию о гражданстве этих лиц.

²⁶ При этом стоит упомянуть, что, как справедливо указывает Н. Потапова, часть материалов, связанных с обвинением в шпионаже в пользу Японии, попали в «разные» протоколы, в этих материалах было и некоторое количество китайцев [Потапова, 2019, с. 158-165]. В те же «разные» протоколы попали материалы по «болгарской», «македонской» и некоторым другим менее масштабным «линиям», не выделенным в отдельные операции.

статистике НКВД по работе комиссии) не тождественна осуществлению одиннадцати «линий» «национальных» операций, как интерпретируют этот факт Н. Аблажей и Н. Потапова, говорящие об одиннадцати «репрессивных акциях». Во-первых, эта систематизация протоколов проводилась независимо от основных оперативных мероприятий, следствия и составления справок на арестованных и на них не влияла. Во-вторых, само по себе наличие группы «разные» (в которую помимо прочего были собраны некоторые менее масштабные, локальные и, возможно, не регулируемые специальными распоряжениями «линии») свидетельствует об упорядочивающе-классифицирующем значении данной схемы; об этом же говорит и отсутствие каких-либо распорядительных документов о проведении некой «разной» «линии»²⁷.

Можно отметить и, вероятно, существовавшую в подсобной картотеке «китайско-корейскую» линию, а также тот факт, что если финальная статистика НКВД по «национальным» операциям, включающая в себя объединённые данные о результатах деятельности комиссии и особых троек²⁸, так же как и статистика о деятельности комиссии, была сведена к 11 «линиям», то статистика деятельности особых троек имела совсем другую структуру. Данные по особым тройкам, рассмотревшим остатки «альбомов» почти на треть от общего количества справок по всем «национальным» операциям, были упорядочены по 20 «линиям», включая «прочие» [ЦАФСБРФ, ф. 8-ос, оп. 1, д. 70, л. 19].

Наконец, нельзя забывать, что и после того, как классификация протоколов «двоек» в основном упорядочилась²⁹, в базовых документах «большого террора» по-прежнему говорилось о 13 основных «национальных» операциях. О них шла речь в майском постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении операций до 1 августа 1938 [Лубянка. Сталин и..., 2004, с. 538], именно о них сказано в соответствующем распоряжении Ежова о продлении операций, выпущенном 28 мая [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 87, л. 64]. В июне 1938 г. о тринадцати линиях говорилось в приказе заместителя наркома М. П. Фриновского (1898–1940) об усилении репрессий в отношении «инонационалов» [Тепляков, 2008, с. 367]. Пред-

²⁷ Что, конечно, не означает отсутствия необнаруженных документов о проведении операций против «линий», учтённых в этом разделе.

²⁸ Согласно приказу НКВД № 00606, сформированные в регионах особые тройки в сентябре–ноябре 1938 рассмотрели оставшиеся «альбомы».

²⁹ Вероятно, это произошло зимой 1938 года, однако отдельные коррекции могли быть позже.

ставители тех же двенадцати национальностей и харбинцы упоминались в циркуляре № 189, разъясняющем приказ № 00606³⁰. То есть очевидно, что они продолжали рассматриваться и высшим партийным руководством и НКВД как основные направления «национальных» операций.

* * *

Таким образом, «Китайская» операция была одной из тринадцати основных, выделенных специальными распоряжениями руководства ВКП(б) и НКВД, «национальных» операций 1937–1938 гг., с чем, впрочем, согласны большинство историков³¹. Начатая как локальная операция в Дальневосточном крае, не включенная в «альбомный» порядок рассмотрения дел, она вошла в список «национальных» операций после принятия постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 г. и появления директивы Ежова № 233 от 1 февраля 1938. С этого времени операция против «национальных контрреволюционных контингентов» из числа китайцев начала разворачиваться по всему Советскому Союзу, охватив как территории, где процент представителей этой диаспоры был велик, так и территории, где число проживавших китайцев было незначительным.

Тем не менее ещё до начала февраля 1938 г. справки на несколько сот китайцев были отправлены в центр в рамках «харбинского» приказа № 00593. Причиной этого было как расширение регионами оговорённых в приказах подлежащих аресту «контингентов», так и понимание «харбинского» приказа как направленного в целом на противодействие деятельности японских спецслужб. (Не исключено, однако, что в отдельных случаях на это получалась санкция центра). Вероятно, существованием практики включения справок на китайцев в «харбинские» «альбомы», рассмотренные комиссией ещё до февраля 1938 г., можно объяснить и дальнейшее отнесение «китайских» «альбомов» к материалам по «Харбинской» операции. При этом упорядочивание в центре протоколов по 11 направлениям, включая «разные», не является поводом для утверждения, что НКВД проводило одиннадцать операций, а китайская «линия» не была «запущена... как отдельная репрессивная акция».

³⁰ В данном циркуляре также отдельно упоминалась «линия» участников белогвардейских организаций [ЦАФСБРФ, ф. 66, оп. 1, д. 464, л. 261–263].

³¹ См., напр.: [Охотин, Рогинский, 1999, с. 60; Петров, Янсен, 2008, с. 225; Хаустов, Самуэльсон, 2009, с. 295].

Источники и литература

Архивы

- АВПРФ – Архив внешней политики Российской Федерации.
АУФСБОО – Архив управления ФСБ по Омской области.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
ОГАСБУ – Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины.
ЦАФСБРФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Литература

- Аблажей, Потапова, 2019 – *Аблажей Н. Н., Потапова Н. А.* «Национальные» операции Большого террора: иерархия полномочий власти и карательных органов в центре и на периферии // Мир Большого Алтая. 5 (2). Усть-Каменогорск, 2019. С. 150–162.
- Ватлин, 2012 – *Ватлин А. Ю.* «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2012.
- Калкаев, 2018 – *Калкаев Е. Г.* К вопросу о начале «китайской операции» НКВД (1937–1938) // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 66–87.
- Лубянка. Сталин и..., 2004 – Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М.: Международный фонд «Демократия», 2004.
- Потапова, 2019 – *Потапова Н. А.* «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг.: механизмы, целевые группы и масштабы репрессий. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02. Новосибирск, 2019.
- Петров, Рогинский, 1997 – *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. С. 22–38.
- Петров, Янсен, 2008 – *Петров Н. В., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2008.
- Силонов, 2015 – *Силонов С. М.* Интернированные китайцы в Сибири (1930-е годы). Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2015.
- Охотин, Рогинский, 1999 – *Охотин Н. Г., Рогинский А. Б.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999. С. 35–75.
- Сталинские депортации, 2005 – Сталинские депортации. 1928–1953. М.: Международный фонд «Демократия», Материк, 2005.

Тепляков, 2008 – *Тепляков А. Г.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый хронограф, 2008.

Хаустов, 2015 – *Хаустов В. Н.* Японская операция НКВД в 1937–1938 гг. // История сталинизма. Политические и социальные аспекты истории сталинизма. М.: РОССПЭН, 2015 С. 106–118.

Хаустов, Самуэльсон, 2009 – *Хаустов В. Н., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009.

Хлевнюк, 2010 – *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010.

Через трупы врага..., 2010 – «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. Т. 2: 1938 г. М.: РОССПЭН, 2010.

Чернолуцкая, 2011 – *Чернолуцкая Е. Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011.

*Evgeny G. Kalkaev**

Chinese Line. The Mass Repression against the Chinese and the “National Operations” of the NKVD

ABSTRACT: This article is devoted to analysis of repression against the Chinese in the context of the “national operations” of Great Purge. Special attention is paid to the relationship between the “Harbin” and “Chinese” operations.

KEYWORDS: Great Terror, NKVD, “Chinese” Operation, “Harbin” Operation, “National” Operations Chinese Diaspora

* Kalkaev Evgeny Gennadyevich, Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), kalkaev@gmail.com